

877-11

2001

~~Видання 1901~~

~~Видання 1901~~

8

Трагедія

губства

Cro. leg. v. p. "

Atque "

~~scribitur~~

Quare dicitur "

~~scribitur~~

6. М. I 8.19

№2

П-116

И. И. П—скій

Трагедія чувства

Критическій этюдъ

(по поводу послѣднихъ произведеній Чехова)

6319

Существенное различіе идейной стороны творчества Чехова и Мопассана. Разсказъ «Дама съ собачкой»; психологія его героевъ. Идея произведенія. Повѣсть «Въ оврагѣ» и ея персонажи. Общій характеръ послѣднихъ произведеній Чехова. Формула чеховскаго творчества. Психологія пессимизма; сущность пессимистическаго міровоззрѣнія его

*Философская обоснованность. Всемирная
значеніе произведений Чехова.*

Лен. Гос. ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія К. Биркенфельда (В. О., 8-я л., № 1)

1900

3239 / 8. М.

+

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Юня 1900 г.

Если предугадать что казавъ имъ были склонны
видеть свое настоящее въ освѣщеніи румяной зари, а
будущее въ освѣщеніи толмаго дневнаго свѣта, то
теперъ имъ рѣшительнъ признавъ все окружающее какъ
сумерками, представляющіе Талмю, до мнѣ, а мнѣ
бытъ и совѣтъ безразсуднѣйшую новъ.

Н. К. Михайловскій ("Ассамблея" № 1, 1893. "Литература
и драма").

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія Че-
ховъ снова появляется на горизонтѣ нашей литера-
туры. Его послѣднія произведенія: разсказъ «Дама
съ собачкой» ¹⁾ и повѣсть «Въ оврагѣ» ²⁾, по силѣ
оставляемаго ими впечатлѣнія, не уступаютъ его пре-
нимъ лучшимъ произведеніямъ, шедеврамъ чехов-
скаго творчества, каковы «Скучная исторія» и
«Палата № 6».

Разсказъ «Дама съ собачкой» написанъ въ вполне
выдержанномъ мопассановскомъ стилѣ, плюсъ нѣко-
торыя вполне самостоятельныя особенности таланта
Чехова. Самая манера изложенія, реализмъ творче-
ства, граціозность котораго доходитъ порой до ци-
низма, наконецъ самый подборъ фактовъ (напримѣръ,
«паденіе» Анны Сергѣевны происходитъ подъ влія-
ніемъ обаятельной крымской природы; у Мопассана
въ «Clair de lune» мы видимъ вполне аналогичный
эпизодъ), — все это вмѣстѣ взятое изобличаетъ въ
авторѣ истиннаго Мопассана, «но только съ русскою
душой», вполне своеобразнаго.

Главное и существенное различіе идейной сто-

¹⁾ «Русская Мысль». № 12, 1899 г.

²⁾ «Жизнь». № 1, 1900 г.

роны творчества того и другого заключается въ генезисѣ ихъ міровоззрѣнія. Лучшія стороны чело-вѣческой природы, которыя въ силу вещей оста-ются непроизводительными, бесплодными, факти-чески, такъ сказать, ненужными и совершенно излишними, — приводятъ Чехова къ пессимизму. Пессимизмъ же Мопассана основанъ всецѣло на противоположномъ воззрѣніи. Мопассанъ вездѣ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, старался низвести чело-вѣка съ его возвышеннаго пьедестала, въ каждомъ на первый взглядъ возвышенномъ движеніи чело-вѣческой души докапывался низменныхъ ея сторонъ. По выраженію одного изъ его біографовъ, онъ «разоблачалъ, раздѣвалъ животное похотливое, жестокое, жадное, прячущееся подъ цилиндры и изящные костюмы». Мопассанъ удѣлялъ все свое вниманіе почти исключительно вопросу о любви: психологія любви во всѣхъ ея формахъ составляетъ главнѣйшій элементъ мопассановскаго творчества.

Это основное различіе въ генезисѣ міровоззрѣнія Чехова и Мопассана указываетъ лишь на преобладающее теченіе въ творествѣ cadaго изъ нихъ и конечно вовсе не исключаетъ возможности уклоненій въ ту или другую сторону. Въ этомъ именно смыслѣ мы и сказали, что рассказъ «Дама съ собачкой» написанъ въ мопассановскомъ стилѣ, притомъ вполне выдержанномъ; особенности же таланта Чехова выражаются, главнымъ образомъ, въ мастерски нарисованной имъ картинѣ зарожденія любви въ одномъ изъ героевъ рассказа, Гуровъ, — правда, любви поздней, на закатѣ дней, но на первый взглядъ даже психологически невозможной и не естественной въ этомъ

пошломъ, самодовольно-сытомъ, все испытавшемъ bon vivan'фъ.

Разсказъ переноситъ насъ на южный берегъ Крыма... *одна изъ представителей отлосовеннаго паразитизма,*
Гуровъ, (отъ излишней сытости и абсолютной праздности страдающій легкой формой эротомани, — проводить лѣто въ Ялтѣ, по обыкновенію скучая, за отсутствіемъ любовныхъ интрижекъ и амурныхъ развлеченій. На фонѣ ялтинской жизни появляется «дама съ собачкой» (Анна Сергѣевна), и завязывается знакомство, которое вскорѣ переходитъ въ романъ. Послѣ нѣкотораго пресыщенія, Гуровъ разстается съ Анной Сергѣевной: она уѣзжаетъ въ С. къ мужу, онъ — въ Москву. Дальнѣйшее дѣйствіе разсказа происходитъ то въ С., то въ Москвѣ, куда тайкомъ отъ мужа прѣзжаетъ Анна Сергѣевна для свиданій съ Гуровымъ.

Гуровъ — москвичъ, по образованію филологъ, имѣеть два дома, женатъ, но измѣняетъ своей супругѣ уже давно. Авторъ въ нѣсколькихъ штрихахъ довольно ярко обрисовываетъ личность своего героя. «Измѣнять онъ (Гуровъ) началъ уже давно, измѣнялъ часто и, вѣроятно, поэтому о женщинахъ отзывался почти всегда дурно и, когда въ его присутствіи говорили о нихъ, то онъ называлъ ихъ такъ: низшая раса! Ему казалось, что онъ достаточно наученъ горькимъ опытомъ, чтобы называть ихъ какъ угодно, но все же безъ «низшей расы» онъ не могъ бы прожить и двухъ дней. Въ обществѣ мужчинъ ему было скучно, не по себѣ, съ ними онъ былъ не разговорчивъ, холоденъ, но когда находился среди женщинъ, то чувствовалъ себя свободнымъ и зналъ,

о чемъ говорить съ ними и какъ держать себя; и даже молчать съ ними ему было легко. Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало къ нему женщинъ, манило ихъ; онъ зналъ объ этомъ, и самого его тоже какая то сила влекла къ нимъ»...

Эротическія наклонности Гурова особенно рѣзко обнаруживаются при первомъ знакомствѣ его съ Анной Сергѣевной. «...Когда дама (Анна Сергѣевна) сѣла за сосѣдній столъ, въ трехъ шагахъ отъ него, ему вспомнились рассказы о легкихъ побѣдахъ, о поѣздкахъ въ горы, — и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романѣ съ неизвѣстной женщиной, которой не знаешь по имени и фамиліи, вдругъ овладѣла имъ....» Дальнѣйшее поведеніе Гурова въ Ялтѣ только подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе.

Но было бы большою ошибкой считать Гурова грубымъ чувственникомъ, способнымъ лишь срывать цвѣты наслажденій. Напротивъ даже, если онъ и увлекаетъ женщинъ, то его искренняя нѣжность, мягкость и даже доброта играютъ при этомъ чуть ли не главную роль. Онъ не лишенъ также способности состраданія. Возвратясь домой послѣ перваго свиданія съ Анной Сергѣевной, онъ вспомнилъ, что «она еще такъ недавно была институткой, училась, все равно какъ теперь его дочь, — вспомнилъ, сколько еще несмѣлости, угловатости было въ ея смѣхѣ, въ разговорѣ съ незнакомымъ, — должно быть, это первый разъ въ жизни она была одна, въ такой обстановкѣ, когда за ней ходятъ и на нее смотрятъ и говорятъ съ ней только съ одной тайной цѣлью, о

которой она не может не догадываться. Вспомнил онъ ея тонкую слабую шею, красивые сѣрые глаза. Что-то въ ней есть жалкое все-таки! подумалъ онъ и сталъ засыпать».

Гуровъ и Анна Сергѣевна—люди почти обыкновенные. Но у перваго его роль самца выступаетъ какъ-то особенно рельефно и вообще весь онъ выглядитъ несравненно низменнѣе и пошлѣе. Последняя, наоборотъ, на всемъ протяженіи разсказа является въ наиболѣе выгодномъ для нея свѣтѣ. Ея измѣна мужу обуславливается далеко не чувственной разнужданностью. Связь съ Гуровымъ не даетъ ей никакого удовлетворенія, напротивъ постоянно тяготитъ и вноситъ еще болѣе горечи въ ея безпросвѣтную жизнь: «грѣхъ мнѣ гадогъ», говоритъ она.

Ея натура — источникъ глубокаго чувства, до времени подавляемаго и притупляемаго окружающею средой, но требующаго того или иного жизненнаго исхода. Не имѣя другого пути для своего развитія, оно цѣликомъ выливается въ сферу любви. Въ этомъ отношеніи особенно характерна ея краткая исповѣдь передъ предметомъ своего увлеченія.

«Я вышла замужъ и поѣхала съ мужемъ въ С. Живутъ же другіе въ провинціи, отчего мнѣ не жить? Но мнѣ С. сталъ противенъ съ первой же недѣли; какъ выгляну въ окно, а тамъ сѣрый заборъ, длинный, сѣрый заборъ, о, Боже мой!... Ложилась въ девять часовъ спать, — и только развлеченья, что въ три часа обѣдъ, а въ девять — спать... Когда я вышла замужъ, мнѣ было двадцать лѣтъ, меня томило любопытство, мнѣ хотѣлось чего-нибудь получше; вѣдь есть же, — говорила я себѣ, — другая жизнь. Хотѣ-

лось пожить! Пожить и пожить!... Любопытство меня жгло... Вы этого не понимаете, но, клянусь Богомъ, я уже не могла владѣть собой, со мной что-то дѣлалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поѣхала сюда... И здѣсь все ходила, какъ въ угарѣ, какъ безумная... и вотъ я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякій можетъ презирать»...

Гуровъ завязываетъ интригу въ силу низшихъ фізіологическихъ побужденій своей натуры, между тѣмъ Анна Сергѣевна отдается ему всецѣло, всѣмъ существомъ своимъ, со всею силою любви молодого еще неопытнаго сердца. Изъ пошловатаго прожигателя жизни (какимъ является Гуровъ въ первой половинѣ разсказа) она создаетъ себѣ фантомъ, дополняя грустную дѣйствительность идеальной мечтой. «Она все время называла его добрымъ, необыкновеннымъ, возвышеннымъ; очевидно, онъ казался ей не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ авторъ и немного позднѣе, описывая московскую жизнь своего героя, прибавляетъ: «если бы она видѣла, какъ онъ выходилъ изъ ресторана красный, мрачный, недовольный, то быть можетъ поняла бы, что въ немъ нѣтъ ничего возвышеннаго и необыкновеннаго»...

Въ этомъ ужасномъ, вопіющемъ несоотвѣтствіи ея идеальныхъ стремленій съ дѣйствительной жизнью, въ ея постоянной неудовлетворенности, въ ея беспомощности, въ этой необходимости отдаться чуть ли не первому встрѣчному самцу, чтобы хоть какъ-нибудь заполнить пустоту и бессмысленность своего существованія, — заключается глубокая жизненная траге-

дія; и нужно отдать справедливость автору, въ изображеніи этой трагедіи онъ не щадитъ впечатлительнаго читателя, бьетъ по нервамъ, превзойдя даже Мопассана, какъ психологіей персонажей разсказа, такъ, въ особенности, обыденностью и полной заурядностью сюжета. Гуровъ въ сущности вовсе не дурной человѣкъ, не злодѣй какой-нибудь, а между тѣмъ весь его романъ съ Анной Сергѣевной въ Ялтѣ оставляетъ по себѣ какое то гнетущее впечатлѣніе: слишкомъ уже ясно обнаружена авторомъ вся дѣйствительная сущность этого романа...

Когда наступилъ моментъ разлуки, Анна Сергѣевна отчасти даже обрадовалась. «Это хорошо, что я уѣзжаю: это сама судьба. Еще немного, и я увлеклась бы Вами серьезно. Васъ такъ легко полюбить! Но зачѣмъ любовь? Она разбила бы мою жизнь. Любить Васъ тайно, скрывать отъ всѣхъ—развѣ это не ужасно?.. Я буду о Васъ думать, вспоминать... Мы навсегда прощаемся, такъ нужно, потому что не слѣдовало бы вовсе встрѣчаться...»

Но оба они ошибались, думая, что разстанутся навсегда...

Мы уже указывали на нѣкоторую двойственность таланта Чехова. Съ одной стороны, онъ, подобно Мопассану, иногда слишкомъ ступаетъ краски въ изображеніи низменныхъ сторонъ человѣческой природы,— съ другой, наоборотъ, въ отдѣльных моментахъ своего творчества—поднимается на высоту чистѣйшей поэзіи.

Въ отношеніяхъ Гурова къ Аннѣ Сергѣевнѣ, отношеніяхъ, истинная сущность которыхъ представляется намъ слишкомъ недвусмысленной, происхо-

дить теперь, по возвращеніи Гурова въ Москву, рѣшительный поворотъ. Гуровъ чувствуетъ, что жизнь безъ Анны Сергѣевны тягостна, скучна и прямо таки невыносима, чувствуетъ, что любить ее. Возникновеніе и дальнѣйшее развитіе этого чувства изображены авторомъ съ поразительнымъ талантомъ.

«Его (Гурова) уже томило сильное желаніе подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими воспоминаніями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а внѣ дома—не съ кѣмъ. Не съ жильцами же и не въ банкѣ. И о чемъ говорить? Развѣ онъ любилъ тогда? Развѣ было что нибудь красивое, поэтическое или поучительное, или просто интересное въ его отношеніяхъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ? И приходилось говорить неопредѣленно о любви, о женщинахъ; говорилъ онъ долго, просилъ снѣть что-нибудь, самъ пѣлъ, и никто не догадывался, въ чемъ дѣло, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила:—тебѣ, Дмитрій, совсѣмъ не идетъ роль фата...

Однажды ночью, выходя изъ докторскаго клуба со своимъ партнеромъ, чиновникомъ, онъ не удержался и сказалъ:—если бы Вы знали, съ какой очаровательной женщиной я познакомился въ Ялтѣ!—Когда?—Этой осенью. Нельзя сказать, чтобы она была особенно красива, но впечатлѣніе она произвела на меня неотразимое. Я до сихъ поръ еще самъ не свой... Чиновникъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ, но вдругъ обернулся и окликнулъ: Дмитрій Дмитриевичъ!—Что?—А давеча вы были правы: осетрина была не свѣжая!... Эти слова, такія обычныя, почему то вдругъ возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми... Какіе дикіе нравы, какія лица!... Что за

безтолковыя ночи, какіе неинтересныя, незамѣтные дни!... Неистовая игра въ карты, обжорство, пьянство, ненужныя дѣла и разговоры все объ одномъ отхватываютъ на свою долю лучшую часть времени, лучшія силы, и въ концѣ концовъ остается кагая то куцая, безкрылая жизнь, какая то чепуха, и уйти и бѣжать нельзя, точно сидишь въ сумасшедшемъ домѣ или въ арестанскихъ ротахъ!... Гуровъ не спалъ всю ночь и возмущался и затѣмъ весь день провелъ съ головной болью. И въ слѣдующую ночь онъ спалъ дурно, а все сидѣлъ въ постели и думалъ, или ходилъ изъ угла въ уголь. Дѣти ему надоѣли, банкъ надоѣлъ, не хотѣлось никуда идти, ни о чемъ говорить. А въ ухахъ раздавались слова: осетрина была не свѣжая!...»

Подъ предлогомъ поѣздки въ Петербургъ по дѣламъ, Гуровъ уѣзжаетъ въ С. «Зачѣмъ? Онъ и самъ не зналъ хорошо... Ему хотѣлось повидаться съ Анной Сергѣевной и поговорить, устроить свиданіе, если можно...»

Встрѣчаются они случайно, въ городскомъ театрѣ...

И вотъ, когда онъ увидѣлъ ее теперь, послѣ долгой разлуки, онъ ясно понялъ, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ для него человѣка ближе и дороже ея. «Она, затерявшаяся въ провинціальной толпѣ, эта маленькая женщина, ничѣмъ не замѣчательная, съ вульгарной лорнеткой въ рукахъ, наполняла теперь всю его жизнь, была его горемъ, радостью, единственнымъ счастьемъ, какого онъ желалъ для себя; и подъ звуки дрянного оркестра, дрянныхъ обывательскихъ скрипокъ, онъ думалъ о томъ, какъ она хороша, думалъ о своей любви и мечталъ...»

Строки, изображающія ихъ встрѣчу въ театрѣ и тѣ противорѣчивыя чувства, которыя взволновали Анну Сергѣевну (радость и страхъ, мольба и любовь)— это перлы истинной поэзіи. Здѣсь талантъ автора достигаетъ титанической мощи.

Анна Сергѣевна начала прѣзжать въ Москву...

Постараемся сдѣлать нѣкоторые выводы относительно общей руководящей идеи разсмотрѣннаго произведенія.

Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ Чехова, съ послѣдовательно проведеннымъ пессимистическимъ міровоззрѣніемъ. Но пессимизмъ автора находится, если можно такъ выразиться, въ скрытомъ состояніи, и только тщательный анализъ внутренней сущности фактовъ, составляющихъ фабулу разсказа, можетъ явиться нѣкоторымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами сужденія (на первый взглядъ, быть можетъ, нѣсколько апріорнаго).

Если разсматривать первую часть разсказа совершенно самостоятельно, то, врядъ ли могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія относительно основной пессимистической идеи, правда, глубоко скрытой подъ ледяной корою авторскаго индифферентизма, значительно замаскированной объективной формой изложенія. Предъ нами рисуется симпатичный образъ молодого, довѣрчиваго существа, далѣе — роковая необходимость, толкающая это существо въ объятія филистера 96 пробы, жуира и эротомана, жалкой

карикатуры печоринского типа. Во второй части сказа мы видим якобы торжество любви падъ препятствіями окружающей рутины и прозы жизни. Но въдь сущность этой любви слишкомъ безпощадно обнаружена авторомъ съ первыхъ же строкъ сказа. Для Анны Сергѣевны любовь—лишь компромиссъ съ жизнью, лишь палліативъ, дающій забвеніе, усыпляющій сознание, но не разрѣшающій неопредѣленныхъ стремленій и идеальныхъ порывовъ ея юности, въ основаніи которыхъ, по нашему мнѣнію, лежатъ не только причины фізіологическаго свойства.

Въ этой эгоистической любви, выросшей на почвѣ праздности, ^{и паразитизма} нѣтъ ничего утѣшительнаго и отраднаго, и намъ кажется, авторъ постигнулъ всю глубокую безотрадность (съ соціальной точки зрѣнія) этой любви, если не путать ^{силь} анализъ, то стихійною силою интуиціи, и, вѣроятно, потому такъ внезапно оборвалъ свой рассказъ...

Но еще рѣзче, уже ничѣмъ рѣшительно не прикрашенная, во всей своей наготѣ, безъ маски индифферентизма, основная пессимистическая идея выступаетъ въ послѣднемъ произведеніи Чехова, повѣсти «Въ оврагѣ».

Предъ нами сразу встаетъ во весь свой гигантскій ростъ творецъ «Скучной исторіи» и «Палаты № 6».

Та же скорбная нотка безнадежнаго пессимизма, та же безпощадная иронія въ обрисовкѣ окружающей жизни проходитъ красной нитью черезъ всю повѣсть, съ первыхъ же строкъ оставляя по себѣ неизгладимое, душу гнетущее впечатлѣніе...

«Въ оврагѣ» переноситъ насъ въ совершенно

иную жизненную сферу, по своей сущности являющуюся полным отрицанием той атмосферы барства, ^{и того паразитизма,} которую мы наблюдали въ «Дамъ съ собачкой».

«Село Уклеево лежало въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны были только колокольни и трубы ситце-набивныхъ фабрикъ. Когда прохожіе спрашивали, какое это село, то имъ говорили: это то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ.

Какъ то на поминкахъ фабриканта Костюкова старикъ дьячокъ увидѣлъ среди закусокъ зернистую икру и сталъ ѣсть ее съ жадностью; его толкали, дергали за рукавъ, но онъ словно околѣлъ отъ наслажденія; ничего не чувствовалъ и только ѣлъ. Съѣлъ всю икру, а въ банкѣ было фунта четыре. И прошло ужъ много времени съ тѣхъ поръ, дьячокъ давно умеръ, а про икру все помнили. Жизнь ли была такъ бѣдна здѣсь, или люди не умѣли подмѣтить ничего, кромѣ этого неважнаго событія, происшедшаго десять лѣтъ назадъ, а только про село Уклеево ничего другого не рассказывали.

Въ немъ не переводилась лихорадка и была тонкая грязь даже лѣтомъ, особенно подъ заборами, надъ которыми сгибались старыя вербы, дававшія широкую тѣнь. Здѣсь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выдѣлкѣ ситцевъ. Фабрики, — три ситцевыхъ и одна кожевенная — находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль. Это были небольшія фабрики, и на всѣхъ ихъ было занято около четырехсотъ рабочихъ, не больше. Отъ кожевенной фабрики вода въ рѣкѣ часто становилась вонючей; отбросы заражали лугъ, крестьян-

скій скотъ страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно съ вѣдома становаго пристава и уѣзднаго врача, которымъ владѣлецъ платилъ по десяти рублей въ мѣсяць.

Всѣ три ситцевыхъ фабрики и квартиры фабрикантовъ были соединены телефономъ. Провели телефонъ и въ волостное правленіе, но тамъ онъ скоро пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ завелись клопы и пруссаки. Волостной старшина былъ малограмотенъ и въ бумагахъ каждое слово писалъ съ большой буквы, но когда испортился телефонъ, то онъ сказалъ: да, теперь намъ безъ телефона будетъ трудно.

Во всемъ селѣ было только два порядочныхъ дома, каменныхъ, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалось волостное правленіе, въ другомъ двухэтажномъ, какъ разъ противъ церкви, жилъ Цыбукинъ, Григорій Петровъ, епифанскій мѣщанинъ.

Григорій держалъ бакалейную лавочку, но это только для вида, на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями, торговалъ, чѣмъ придется, и, когда, на примѣръ, за границу требовались для дамскихъ шляпъ сороки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копѣекъ; онъ скупалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ старикъ оборотливый».

Въ селѣ Цыбукинъ пріобрѣлъ репутацію жестокаго эксплуататора: прода-кровопійцы. Въ видѣ иллюстраціи его эксплуататорскихъ наклонностей приведемъ слѣдующій случай. Къ свадьбѣ старшаго сына, Анисима, двумъ портникамъ Цыбукинъ заказалъ

платья для жены и невестки. «Когда портнихи кончили, то онъ заплатилъ имъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ узелки со стеариновыми свѣчами и сардинами, которыя были имъ совсѣмъ не нужны, и, выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорокъ и стали плакать...»

У Цыбукина — два сына. Младшій, Степанъ, живетъ при отцѣ и помогаетъ ему въ торговлѣ, вмѣстѣ съ женой своей, Аксиной; старшій, Анисимъ, — въ городѣ, служить въ сыщикахъ.

Самъ Цыбукинъ былъ вдовъ, но вскорѣ послѣ свадьбы младшаго сына, женился вторично. Его вторая жена, Варвара, своимъ появленіемъ въ домѣ Цыбукиныхъ вноситъ нѣкоторый лучъ свѣта въ это темное царство зла и неправды. «Въ томъ, что она подавала милостыню, было что то новое, что то веселое и легкое... Когда въ табельные дни или въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричныя, одурманенныя плохой водкой, и грѣхъ, казалось, стусившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостныя дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ...»

Личность Анисима, старшаго сына Цыбукина,

представляет значительный интерес по своей психологической сущности. Въ обрисовкѣ этого характера авторъ дѣлаетъ смѣлую попытку разрѣшить весьма важную психологическую проблему относительно первичныхъ стимуловъ, опредѣляющихъ въ томъ или иномъ направленіи нравственную дѣятельность человека. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ заслуживающей особеннаго вниманія прощальную бесѣду Анисима съ Варварой, передъ его отъѣздомъ въ городъ, эту замѣчательную страничку экспериментальной психологіи.

«Живемъ мы хорошо, — начала Варвара, — всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ: двѣ тысячи пошло. Однимъ словомъ, живемъ, какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болить, обижаемъ какъ — и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ — на все обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

— Кто къ чему приставлень, мамаша.

— Да вѣдь умирать надо?... На томъ свѣтѣ такъ тебѣ и стануть разбирать, кто къ чему приставлень. У Бога судъ праведный.

— Конечно, никто не станеть разбирать, — сказали Анисимъ и вздохнулъ. — Бога то, все равно, нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать!

Варвара посмотрѣла на него съ удивленіемъ и засмѣялась, и всплеснула руками. Оттого, что она такъ искренно удивилась его словамъ и смотрѣла на него, какъ на чудака, онъ смутился.

— Богъ, можетъ, и есть, а только вѣры нѣтъ,— сказалъ онъ.— Когда меня вѣнчали, мнѣ было не по себѣ. Какъ вотъ возьмешь изъ подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ пищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ зашишала, и, пока меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! А какъ вышелъ изъ церкви — и ничего! Да и откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не тому учили, и младенецъ еще мать сосеть, а его только одному и учатъ: кто къ чему приставленъ. Папаша вѣдь тоже въ Бога не вѣруеть. Вы какъ-то сказывали, что у Гонтаревыхъ барановъ угнали... Я нашель: это шикаловскій мужикъ украль; онъ украль, а шкурки то у папаша... Вотъ вамъ и вѣра!...

Анисимъ подмигнуль глазомъ и покачалъ головой.

— И старшина тоже не вѣритъ въ Бога,— продолжалъ онъ,— и писарь тоже, и дьячокъ тоже. А ежели они ходять въ церковь и посты соблюдаютъ, такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили и на тотъ случай, что можетъ и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ... Я такъ, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совѣсти мало въ людяхъ... Я вижу насквозь, мамаша, и понимаю. Ежели у человѣка рубаха краденая, я вижу. Человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а я, чай то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь—и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина, потому что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ...»

Эта неувѣренность въ своихъ догматахъ, какой-то бессознательный атеизмъ, все это столь откро-

венно провозглашенное profession de foi, безъ маски
обычнаго лицемѣрія, — какъ нельзя лучше обрисовы-
ваютъ нравственную физиогномію Анисима, филистера
съ ногъ до головы.

Принципъ «кто къ чему приставленъ» — основной
руководящій принципъ массы; онъ является крае-
угольнымъ камнемъ филистерскаго міровоззрѣнія.

Характерное свойство филистера — его способность
жить въ противорѣчїи, не чувствуя того глубокаго,
чудовищнаго разлада, который необходимо долженъ
существовать между исповѣдуемыми догматами и ло-
гическими выводами изъ нихъ, съ одной стороны, и
поведеніемъ практической жизни, съ другой.

6319
Съ этой точки зрѣнія личность Анисима пред-
ставляется намъ наиболѣе прогрессивнымъ типомъ
филистера, благодаря способности его путемъ послѣ-
довательнаго мышленія философски обосновать, дать
нравственное оправданіе своимъ поступкамъ.

Хотя Анисимъ и совершаетъ преступленіе, но
причину этого преступленія нужно искать не въ
зломъ направленіи воли, а въ чисто случайныхъ усло-
віяхъ внѣшней жизни, да въ нѣкоторой слабохарак-
терности его, способности поддаваться чужому влиянію.

Милліоны подобныхъ же людей, обладая еще съ
колыбели всѣмъ, къ чему такъ стремится филистер-
ская натура Анисима, живутъ не только не совер-
шая преступленій, но даже пользуясь глубокими сим-
патіями окружающихъ....

Но настоящей героиней является Аксинья, жена
Степана.

Въ сущности, на всемъ протяженіи повѣсти нѣтъ

такихъ типовъ, такихъ явленій, на которыхъ можно было бы остановиться съ нѣкоторымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ—нельзя же серьезно признать Варвару явленіемъ утѣшительнымъ: ея роль «предохранительнаго клапана», палліатива нисколько не содѣйствуетъ искорененію органическихъ причинъ окружающаго зла.

Но Аксинья—носительница злой воли, представительница злого начала *par excellence*...

Изъ второстепенныхъ персонажей заслуживаютъ нѣкотораго вниманія Липа и ея мать. Въ психологій этихъ личностей авторъ съ поразительной очевидностью показалъ весь глубокій трагизмъ положенія альтруистическихъ натуръ, существованіе которыхъ въ современномъ обществѣ возможно лишь при условіи приспособленія къ средѣ, т. е. при полномъ подавленіи въ себѣ всѣхъ *истинно* альтруистическихъ стремленій, или же (что мы и видимъ въ упомянутыхъ литературныхъ типахъ) при условіи полной забитости, полного уничтоженія человѣческой личности, полнѣйшаго духовнаго рабства....

Необходимо еще указать слѣдующія важнѣйшія событія, составляющія содержаніе повѣсти: свадьба Анисима, раскрытіе его преступленія, преступленіе Аксиньи, однако вовсе не регламентированное, какъ такое, и наконецъ, какъ апофеозъ повѣсти, окончательное торжество неправды въ лицѣ той же Аксиньи.

Въ описаніи свадьбы Анисима отрицательное отношеніе автора къ выводимымъ имъ событіямъ и персонажамъ достигаетъ апогея своего развитія.

«Тутъ были духовенство, приказчики съ фабрикъ съ женами, торговцы и трактирщики изъ другихъ деревень. Волостной старшина и волостной писарь, служившіе вмѣстѣ уже четырнадцать лѣтъ и за все это время не подписавшіе ни одной бумаги, не отпустившіе изъ волостнаго правленія ни одного человѣка безъ того, чтобы не обмануть и не обидѣть, сидѣли теперь рядомъ, оба толстые, сытые, и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая то особенная, мошеническая...

Зашло солнце, а обѣдъ все еще продолжался; уже не понимали, что ѣли, что пили, нельзя было слышать, что говорятъ, и только изрѣдка, когда затихала музыка, ясно было слышно, какъ на дворѣ кричала какая то баба: насосались нашей крови, ироды, нѣтъ на васъ погибели!

Вечеромъ были танцы подъ музыку. Приѣхали Хрымины младшіе со своимъ виномъ, и одинъ изъ нихъ, когда танцевали кадрили, держалъ въ обѣихъ рукахъ по бутылкѣ, а во рту рюмку, и это всѣхъ смѣшило. Среди кадрили пускались вдругъ въ присядку. Плясала Варвара, а старикъ только помахивалъ платкомъ и перебиралъ каблучками, но тѣ, которые во дворѣ, нависая другъ на другѣ, заглядывали въ окна, были въ восторгѣ и на минуту простили ему все—и его богатство, и обиды...

Все это кончилось поздно, во второмъ часу ночи... Старикъ, провожая гостей, говорилъ каждому: свадьба двѣ тысячи стоила...»

Заключеніе повѣсти исполнено глубокаго трагизма: старикъ Цыбукинъ окончательно усмирень, иногда

его забывают даже накормить. И въ прирученіи этого кулака, когда то бывшаго l'enfant terrible всего окружающаго, чувствуется нѣчто глубоко трагическое...

Однако было бы совершенно ошибочнымъ въ томъ двойномъ возмездіи, въ той двойной карѣ, которая постигаетъ отца и сына (униженіе старика и ссылка въ каторжныя работы Анисима) усматривать торжество справедливости.

Какъ отецъ, такъ и сынъ не столько активно виновны (отецъ — по отношенію къ эксплуатируемымъ имъ крестьянамъ), сколько являются продуктами своей среды; даже самый тщательный анализъ психологической фیزیономіи обѣихъ этихъ личностей не обнаружилъ бы въ нихъ элементовъ злой воли.

Настоящее зло кроется въ личности Аксиньи; а оно то и остается безнаказаннымъ.

«Хозяиномъ считается, какъ и прежде, старикъ, на самомъ же дѣлѣ все перешло въ руки Аксиньи; она и продаетъ, и покупаетъ, и безъ ея согласія ничего нельзя сдѣлать... Въ селѣ говорятъ про Аксинью, что она забрала большую силу; и правда, когда она утромъ ѣдетъ къ себѣ на заводъ, съ наивной улыбкой, красивая, счастливая, и когда потомъ распоряжается на заводѣ, то чувствуется въ ней большая сила. Ее всѣ боятся и дома, и въ селѣ, и на заводѣ. Когда она приходитъ на почту, то начальникъ почтового отдѣленія вскакиваетъ и говорить ей: покорнѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна!»..V...

Если въ «Мужикахъ» многіе склонны были усматривать какую то идею превосходства городской жизни

V В этомъ каковъ стѣноуловіи Аксиньи, совершенно забывшей о своихъ преступленіяхъ, сознающей свою силу и обаяніе, во всемъ этомъ тѣло подкраившая, и даже незамысливъ по своей обидчивости торжествуетъ. Она заключаетъ наивно и слепло торговлю своимъ обуславившему стѣрою каменіи жизни.

надъ деревенской дикостью и некультурностью, то «Въ оврагѣ» не можетъ дать повода къ подобнымъ недоразумѣніямъ (городская жизнь доводитъ Анисима до преступленія).

*Здѣсь все тихо, здоровыхъ элементовъ и т.р...
Lasciate ogni speranza...*

Несмотря на всѣ рукоплесканія, которыя раздаются по адресу отдѣльныхъ произведеній Чехова, этотъ колоссальный талантъ при всей поразительной ясности, при всей кристаллической прозрачности своего творчества остается совершенно непонятымъ современной критикой. Произведенія его комментируются на всѣ лады, имъ навязываются различныя идеи, по правильной оцѣнки, правильного пониманія мы не видимъ даже въ средѣ поклонниковъ его таланта.

Нѣкоторые критики, констатируя въ произведеніяхъ Чехова отсутствіе «общей идеи», доходятъ до полного отрицанія идейной стороны чеховскаго творчества. Произведенія, дескать, написаны лишь потому, что авторъ страдаетъ необыкновенной впечатлительностью: ему все равно, чтобы ни описывать.

Но если подобный скептицизмъ является нѣсколько умѣстнымъ, находить себѣ нѣкоторое оправданіе въ первыхъ, болѣе раннихъ произведеніяхъ Чехова, въ которыхъ индифферентное отношеніе автора къ выводимымъ событіямъ и персонажамъ нѣсколько маскируетъ его личныя симпатіи и антипатіи, то позднѣйшія болѣе зрѣлыя произведенія совершенно исключаютъ возможность всякихъ упрековъ въ безличности.

Въ сущности, для оцѣнки многихъ произведеній Чехова необходимо примѣнить тотъ же методъ, который примѣняется къ нѣкоторымъ произведеніямъ Ибсена. Ихъ нужно разсматривать во всей ихъ совокупности, какъ однородное цѣлое.

При такой точкѣ зрѣнія даже въ первыхъ, раннихъ произведеніяхъ Чехова можно усмотрѣть нѣкоторые задатки, нѣкоторыя сѣмена того міровоззрѣнія, которое окончательно сложилось, вылилось въ опредѣленную форму безнадежнаго пессимизма значительно позднѣе.

Разверните его «Пестрые рассказы», «Рассказы» и другія болѣе молодыя произведенія. И здѣсь, даже въ самыхъ веселенькихъ эпизодахъ, чувствуется какая то скрытая скорбь, скрытое страданіе за униженную человѣческую личность.

Во сборникахъ рассказовъ «Въ сумеркахъ» и «Хмурые люди» эти пессимистическія нотки звучатъ уже болѣе могучимъ аккордомъ. Вотъ — гимназистъ, стрѣляющійся отъ какого-то непреодолимаго *taedium vitae*; вотъ — нянька, убивающая ввѣреннаго ей младенца, чтобы имѣть возможность выспаться; вотъ — юноша, котораго преслѣдуетъ *idée fixe*, что «живая» душа публичной женщины продается за одинъ рубль, и т. д., и т. д.

Мы уже не говоримъ о такихъ шедеврахъ художественнаго творчества, какъ «Скучная исторія» и «Палата № 6»; эти произведенія написаны ихъ творцомъ «кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ».

Но возьмите самыя позднія произведенія Чехова: трилогію «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ»,

«О любви», рассказы «Ионычъ», «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы» и, какъ послѣднее слово всего, разсмотрѣнную нами повѣсть «Въ оврагѣ» — здѣсь оскорбленное альтруистическое чувство автора уже выступаетъ изъ береговъ индифферентизма, бьетъ полной струей.

Трудно подыскать болѣе глубокіе драматическіе сюжеты въ обыденной жизни.

Въ «Человѣкъ въ футлярѣ» ¹⁾ авторъ рисуетъ манекена, механически отправляющаго свои жизненные функціи, доведеннаго до такого состоянія рутинной окружающей среды и въ свою очередь также деморализующе вліяющаго на окружающихъ.

Въ «Ионычъ» ²⁾ и «Крыжовникъ» ³⁾ мы видимъ жестокое посмѣяніе филистерскаго счастья, всѣхъ завѣтныхъ стремленій и надеждъ, всѣхъ добродѣтелей филистеровъ, безжалостное поруганіе всѣхъ буржуазныхъ идеаловъ, беспощадное бичеваніе самодовольносытой посредственности.

А какая ужасная трагедія разыгрывается въ третьей части трилогіи! Весь глубокій трагизмъ заключается не въ неудовлетворенной любви, а въ томъ, что сама эта любовь является лишь слабымъ оттопоскомъ, слабымъ отраженіемъ глубокой альтруистической сущности натуръ обоихъ влюбленныхъ, задавленныхъ и почти ассимилированныхъ окружающею средою.

«Случай изъ практики» ⁴⁾ — одно изъ выдающихся

¹⁾ «Русская Мысль», № 7, 1898 г.

²⁾ Литературныя приложенія «Нивы» за 1898 г.

³⁾ «Русская Мысль», № 8, 1898 г.

⁴⁾ «Русская Мысль», № 12, 1898 г.

произведений Чехова по глубинѣ своей основной идеи, по своей философіи взаимныхъ человѣческихъ отношеній.

Съ какой ужасной, бьющей по нервамъ очевидностью показана авторомъ вся чудовищность и жестокость, вся бессмысленность и ненужность человѣческаго страданія!

Одни думаютъ какъ будто сами для себя страдают, но у этихъ писателей созданы свои страдания на основе паразитизма. Въ прочихъ произведенияхъ Чехова?.. Видно только паразитизмъ другихъ... Но какъ бы страдать?

Безпоощадный реализмъ и, какъ логическое слѣдствіе его, безнадежный пессимизмъ — въ этомъ и заключается, на нашъ взглядъ, основная формула чеховскаго творчества.

Чеховъ — сынъ нашего времени; онъ носитъ въ себѣ все скорби и печали его. Пессимизмъ Чехова (его отрицательное отношеніе ко всей элементальной современной русской жизни) это задушенное въ своемъ развитіи глубокое альтруистическое чувство.

Люди мелкіе, дюжинные, филистерскаго пошиба находятъ приложеніе своимъ мелко-альтруистическимъ стремленіямъ въ узкой сферѣ какихъ либо интересовъ. (Семейная, мажорановская и т. п.) Подобно кротамъ въ своей норѣ, они не видятъ ничего за предѣлами отмежеваннаго себѣ маленькаго мірка, а потому и не чувствуютъ всей фальши, не понимаютъ всей логической несообразности своего положенія.

Жить въ противорѣчьи — удѣлъ филистеровъ. Высшія альтруистическія натуры, видящія сущность вещей (или хотя бы инстинктивно постигающія ее благодаря своей врожденной чуткости, какъ Чеховъ)

и знание способностей сознания буржуазии элементов как
как одновременно с процессом роста пролетариата наблю-
дается параллельный процесс усложнения и количественного нара-
стания элементов, враждебных пролетариату, благодаря все
большому накоплению богатства (создаваемого пролетариатом)
в руках господствующего класса...

Во то время как западно европейский пролетариат ищет
своих союзников буржуазия при недоверии абсолютных
при завоевании политической власти — против оторванного
пролетариата противопоставляется союз всех прочих элемен-
тов современной мировой физики...

Во токи зрелищ современной действительности неслучайно пред-
видящих путь путей оторванного прогресса, по которому
могут возникнуть предугадываемые справедливые...

Одни
на по
Но к

Жизнь западной Европы даст картину совершенно иная
условий. Там, благодаря широко развитому классовому самосознанию
пролетариата, представляющему вполне возмужавшую организованную
каждоэкономическую потребность в форме кооперации, которая, опираясь на
властную независимую правовую мораль и таливые образцы на
восточных традициях для своего развития, служит зачатком
будущего коллективистского строя: элементы, враждебные проле-
тариату, постепенно будут вытеснены по мере нарастания проле-
тарии кооперативных пролетарских организаций, по мере
пополнения армии организационных пролетариата — пролетариата
неорганизованности. И это единственно возможный путь!...

Однако коллективистский строй не может быть придан в идеаль-
ный общественный строй, так как по мере разрешения клас-
совых перегородок и слияния классов — иными словами подпадает
цели общества, общество посылит неограниченную власть ка-
ждому индивидууму (в современном обществе эта власть ка-
тически парализуется классовой враждой).

Историческое разделение экономическим проблем между
слияния классов вызовет необходимость борьбы, еще более усложня-
ющей борьбу с проблемами психологическими — борьба волевыми
качества с франкскими. Исход этой борьбы предугадать не только
и в борьбу — правительственная сторона существования современного
человка.

За произведением Седова или произведений подобной воспита-
тельного значения, если только обладание истинной правды
конечной целью воспитания.

Путь в своих представлениях о справедливости, в своих
экономических воззрениях он не идет даже возр...

представлений, диаметрально противоположных
классовых интересов, которые в конечном
конце могут быть примирены путями каких-либо
компромиссов, путей — все это как бы
ядро солидарности, распадающейся в самом основании
вследствие кризиса французской эротики, будничности
покрытия пеленкой рутинности, мутности, хитрости
с поверхности отлегу воду окружающей
Болота современной кризиса....

Киев. Апрель 1902.

[50K]

Цѣна 25 роп.